

С. В. КОНДРАТЬЕВ
Тюменский университет

«ОДА «ВОЛЬНОСТЬ» АНГЛИЙСКИХ ЮРИСТОВ И ПАРЛАМЕНТАРИЕВ, ИЛИ К ВОПРОСУ О ТОМ, КАК ПРИНИМАЛАСЬ «ПЕТИЦИЯ О ПРАВЕ»

В официальных документах, судебных и парламентских речах предреволюционной Англии нередко можно встретить термины, которые и сегодня заставляют учащенно биться сердца записных либералов, — «свободы», «право», «права» («freedom», «freedoms», «liberty», «liberties», «law», «right», «rights»). Но, в отличие от термина «право» (law), юридические трактаты почти не содержат определения «свободы» (liberty). При подчеркнутom интересе современников к своим правам, правоведы — увы! — почти не оставили развернутых характеристик «свободы» в юридических произведениях. Только у У. Ноя и Эд. Кока нам удалось отыскать какие-то дефиниции.

Трактат У. Ноя «Об основаниях и максимах с анализом законов Англии» содержит небольшую главку с показательным названием «Вольности» (Liberties), в которой можно прочесть: «Вольность (liberty) — это королевская привилегия, находящаяся в руках подданного. И поскольку все вольности исходят от короны, то, следовательно, и аннулируются они — как вымороченные (escheat), конфискованные (forfeiture) или подобные тому — после их возвращения короне. Ибо вышестоящий изымает у нижестоящего. Эти «вольности», или привилегии, корона должна предоставлять специальными документами (by special words). К таким привилегиям относится право обладать вымороченным парком, брошенным домом, потерянной вещью, беспризорным ребенком, имуществом потерпевшего крушение корабля. Но оно не может быть распространено на движимость преступников, дезертиров и людей, стоящих вне закона. Изымается привилегия тогда, когда ею пользуются не по назначению (например, торгуют не тем товаром, на который получена лицензия), либо тогда, когда не пользуются вовсе¹. Очевидно, что истолкование юриста сугубо средневековое. Ибо под «свободами» он подразумевает вольности, права и привилегии, которые подданные получают от короля. Он подчеркнуто персонифицирован: король дает привилегию не всем, а кому-либо (one). Ему чужда (во всяком случае в этом трактате) при постановке этой проблемы отвлеченность и абстрактность Нового времени.

Однако, если судить по Эд. Коку, идея абстрактных прав постепенно внедрялась в сознании англичан. Хотя она еще предстает у него в окружении средневековых партикулярных вольностей и привилегий, но акцент с фиксации свобод в королевских хартиях и патентах уже смещен на самое англий-

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор ист. наук, профессор, декан факультета истории и политических наук ТюмГУ, занимается историей мировых цивилизаций, историей европейской политической и правовой мысли, автор монографий и учебных пособий по этим проблемам.

¹ Noy W. A treatise of the ptincipal grounds and maxims, with an analysis; of the Laws of England. Lincoln's Inn, 1821. P. 141.

ское право. Частная привилегия, считает Эд. Кок, должна отступить перед свободой подданных. Вот как он определяет слово «libertates» в комментариях к Великой Хартии Вольностей. По его мнению, это слово имеет три значения. Во-первых, оно указывает на тождественность *libertates* английским законам (*it signifieth the laws of the realme, in which respect this chapter is called, charta libertatum*). Во-вторых, латинское *libertates* переводится английским «свободы» (*freedoms*): «свободы, которые имеют подданные Англии». Эти свободы незыблемы. Они стоят выше привилегий отдельных лиц и сообществ. Например, если сообщество портных предпишет своим членам под угрозой штрафа сдать половину готового платья бесплатно для того, чтобы одеть в него работающих на сообщество рабочих, то «это предписание будет противоречить праву, поскольку оно противоречит свободе подданного, ибо каждый подданный имеет право (*freedom*) отдавать свою одежду тому, кому он пожелает». По мнению Эд. Кока, любые ограничения торговли, включая выданные короной монопольные патенты, противоречат свободе подданного и праву страны. В-третьих, «*liberties*» означают пожалования и привилегии, которые подданный имеет из королевского дара». Сюда включено все то, что перечислил У. Ной.²

Иначе говоря, мы застаем идею свободы на том этапе формирования и становления, когда она, оперевшись на право, начала отделяться от средневековых представлений о даруемых королем подданным и поэтому зависимых от его воли вольностях и привилегиях. Отметим также, что в предреволюционной Англии проблема «вольностей и прав» подданных наиболее отчетливо звучит как антиномия, или дихотомия королевской власти. Например, в «Апологии палаты общин» можно прочесть следующее: «Прерогативы королей легко могут расширяться и на самом деле расширяются с каждым днем; привилегии же подданных по большей части находятся в одном и том же неизменном положении. Эти привилегии при большой предусмотрительности и заботе могут быть сохранены, но если они когда-либо утрачиваются, то восстанавливаются лишь с большими трудностями»³. Корона нередко пыталась распорядиться частью имущества подданных как своим собственным. Поэтому существование проблемы соотношения и противоречия власти и свободы отчетливо осознавалось современниками. Это была та историческая дихотомия, которая, как заметил бы Эрих Фромм, уничтожается в результате деятельности самих людей⁴. Не наша задача судить о том, сколько исторического времени требуется для этого. Как известно, англичанам не хватило семнадцатого века для ее разрешения.

Среди всех составляющих либеральной мысли две нам представляются наиболее важными: это идея о незыблемости собственности и идея о личной свободе, о том, что собственность и свобода защищены законом и могут быть отчуждены только посредством установленных процедур. Вокруг этих двух идей велись наиболее интенсивные дискуссии в судах и парламенте. Как ни странно, но именно в конкретных судебных тяжбах идея свободы предстает в наиболее абстрактном виде. Причем в условиях начала XVII в., когда королевская власть постепенно ставила под свой полный контроль деятельность судов общего права, в дискуссиях отчетливо звучала мысль о недопустимости изменения законов, форм собственности, установления налоговых и других обложений без согласия подданных, выраженного в парламенте.

² Coke E. *Institutes of the Laws of England*. London, 1797. Pt. 2. P. 47.

³ *Constitutional Documents of the Reign of James I* / Ed. By J. P. Tanner. Cambridge, 1930. P. 222.

⁴ Фромм Э. *Психоанализ и этика*. М., 1993. С. 49.

Видные английские юристы общего права У. Лэмбард, Дж. Девис и Т. Хедли приходили к заключению, что появление неравенства среди людей и собственности стало первопричиной создания государственности.⁵ Добавим к этому, что, по мнению Дж. Селдена⁶ и Д. Селтерна, чувство собственности пришло к людям не постепенно, а было присуще им изначально. Чувство собственности является одним из естественных законов. Д. Селтерн писал: «Я не могу согласиться с мнением, высказанным Грацианом, что все вещи по естественному праву были общими. Напротив, я держусь того, что различие в объемах собственности (*distinction of properties*) было установлено Всемогущим Богом изначально, было впечатано (*imprinted*) им в законы и в природу... Это явствует из жизни Каина и Авеля, которые были владельцами полей, земель, овец, плодов и населенных жителями городов, а также из историй Авраама, Иова и других патриархов, в которых упоминаются покупки, продажи и различные преступления, наказываемые по закону»⁷.

Как правило, противники произвольных обложений и арестов ссылались на знаменитую 29 статью (в редакции Генриха III) Великой Хартии Вольностей, которая, как известно, гласит: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владений, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны». Что касается самой истории использования хартии, то кратко отметим, что хроника Матфея Парижского, где приведен полный вариант хартии, была заново открыта антиквариями в конце XVI-начале XVII вв. К этому времени уже сложилась традиция обращаться к одному из первых подтверждений хартии, а именно к подтверждению Генриха III и считать его статутом. Сама хартия в редакции Генриха III была издана на латинском языке в собрании статутов 1508 г. А в 1524 г. появился ее английский перевод. Но даже после обнаружения хроники и полного текста хартии обращение к ним с правовой точки зрения оказалось затруднительно, поскольку хроника не считалась источником права⁸.

Эд. Кок очень высоко оценивал эту статью. Формула о том, что никто не может быть заключен в тюрьму иначе, как по закону страны, означает, подчеркивал он, по общему праву, статутному праву и обычаю Англии. Наличие этой формулы служит «веским доводом» в пользу того, что несправедливо заключенный должен по закону быть освобожден (*he should by law be relieved therein, if he be wronged*), «поскольку свобода для человека ценнее всего остального». Кроме того, по королевскому иску любой человек должен судиться только в Королевской скамье, но не перед каким-либо произвольно

⁵ Подробнее об этом см.: Кондратьев С. В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996. Гл. 2.

⁶ Эта мысль выражена Дж. Селденом в трактате «О владении на море» (*Of the dominion or ownership of the sea*. London, 1652), который нам не доступен. См. об этом: Sommerville J. P. *Politics and Ideology in England, 1603-1640*. London, 1986. P. 146.

⁷ Saltern G. *Of the antient lawes of great Britains*. London, 1605. F. 3.

⁸ Подробнее об этом см.: Thompson F. *Magna Carta: Its Role in the Making of the English Constitution, 1300-1629*. Minneapolis, 1948. P. 215-240. 29 ст. Хартии Генриха III со ответствует 39 ст. в Хартии Иоанна Безземельного. См.: *The Great Charter of Henry III* // Thompson F. *Op. cit.* P. 380; Петрушевский Д. М. *Памятники истории Англии XI-XIII вв.* М., 1936. С. 106. Что касается произвольных арестов, которых не допускало общее право, то их осуществляли прерогативные суды, в частности, Звездная Палата и Высокая комиссия. Некоторый материал об этом приведен в нашей работе: Кондратьев С. В. *Юристы в предреволюционной Англии*. Шадринск, 1993. С. 63-78.

назначенным судьей. Далее. Не может быть торговли «правосудием или правом» (*justice or right*), никому не может быть отказано в «правосудии или праве», не может быть отсрочено исполнение «правосудия или права»⁹.

В настоящей работе мы остановимся на одном из самых громких судебных разбирательств предреволюционной Англии — деле «пяти рыцарей», ибо, как представляется, именно в ходе судебных заседаний и парламентских дебатов проблема прав и свобод подданных звучала наиболее отчетливо.

* * *

С начала третьего десятилетия XVII в. внешняя политика английской короны становится все более активной и поэтому все более дорогой. Англия находится в состоянии войны то с Испанией, то с Францией. Однако большинство военных экспедиций короны 20-х годов, главным организатором которых был фаворит Карла I герцог Бекингэм, заканчивались полным провалом. После очередной внешнеполитической неудачи парламент 1626 г. стал добиваться импичмента ненавистного большинству англичан герцога, что побудило корону досрочно распустить парламент, не дождавшись необходимых субсидий. Сохраняя при себе Бекингэма, король сохранял очевидную пустоту сундуков казначейства. Тайный Совет предложил монаху собрать деньги старыми, используемыми королевской властью ранее способами: приступить к сбору беневоленсов («добровольных пожертвований»), принудительного займа (*forced loan*) и «корабельных денег». Основная роль отводилась именно принудительному займу, ибо, по замыслу министров, заем должны были выплачивать все налогоплательщики, что сулило итоговую сумму, равную 5 парламентским субсидиям. Иначе говоря, Тайный Совет в отсутствие парламента вводил прямой налог, который касался не отдельных лиц, а охватывал все состоятельное население страны.

Справедливости ради отметим, что в крайних случаях общее право допускало взимание налогов без согласия представительного органа. Уже после роспуска парламента пришло сообщение о том, что союзник Англии в Тридцатилетней войне датский король Христиан потерпел поражение в сражении при Луттере (*Lutter*). Корона и ее министры сочли, что последнее политическое событие на континенте может считаться крайним случаем¹⁰. Например, личный капеллан Карла I Роджер Мэнверинг стал произносить проповеди, в которых обосновывал право короля распоряжаться имуществом подданных, как своим. В своих действиях правительство руководствовалось не столько принципами общего права, сколько политической целесообразностью, или, как говорили тогда, законом военного времени (*martial law*). В прибрежных графствах, например, на постоя в дома жителей начали размещать солдат и матросов, которых Джон Огдлендер характеризовал как «убийц, насильников, грабителей, взломщиков»¹¹. Для пресечения бесчинств Тайный Совет стал посылать в графства предписания, которыми наделял правительственных комиссаров и других должностных лиц полномочиями разбирать такие случаи опять-таки по законам военного времени, т. е. не считаясь с процедурой общего права: подвергать солдат и матросов телесным наказаниям, отсекал части тел и даже казнить. И первое, и второе вызывало возмущение у населения страны. Кроме того, видимо, от деятельности комиссаров иногда страдали и мирные жители¹².

⁹ Coke E. *Institutes*. Pt. 2. P. 45-46.

¹⁰ Подробнее о предыстории принудительного займа и о его поступлении в казну см.: Cust R. *The Forced Loan and English Politics, 1626-1628*. Oxford, 1987. P. 13-72

¹¹ Цит. по: Sharpe K. *The Rule of Charles I*. New Haven, 1992. P. 34.

¹² Подробнее о политической ситуации, сложившейся после использования *martial law*, см. там же: *Ibid.* P. 33-36.

С самого начала инициаторы займа столкнулись с трудностями. Судьи общего права (Рендл Крю — главный судья королевства, Джон Уолтер — главный барон Казначейства и судья Дж. Доддеридж), к которым Тайный Совет обратился с просьбой подтвердить законность предложенного способа пополнения казны, не сочли это возможным. Они заявили, что не могут одобрить то, что представляется им незаконным. Данный вердикт стоил тогда Рендлу Крю судейской мантии¹³. Следуя за решением судей, пятнадцать авторитетных пэров отказались выплачивать заем¹⁴. Но, несмотря на выражение открытого недовольства, сбор займа начался. Взыскивание принудительного займа в разных местах страны проходило неодинаково. Одни территории выплачивали заем безоговорочно, население других решительно отказывалось делиться доходами с короной. «Отказников» стали подвергать аресту «особым распоряжением короля». К осени 1627 г. таковых заключенных в лондонские тюрьмы набралось уже около полутора ста человек. Некоторые из них находились в заключении в течение десяти месяцев. Срок для Англии достаточно большой. А сама ситуация с правовой точки зрения оказывалась довольно щекотливой: заключенным не предъявляли обвинения и не отдавали под суд. Правительство надеялось сломить строптивцев, предлагая им на выбор два пути к свободе: либо все-таки подписаться на заем, либо обратиться к королю с просьбой о помиловании. Однако многие из «отказников» продолжали упорствовать, поскольку и первое, и второе означало косвенное признание своей вины и легитимности данного способа сбора средств¹⁵.

Пятеро заключенных — Томас Дарнел, Уолтер Эрл, Джон Хевенингхем, Джон Корбит и Эдмунд Гемпден — поступили иначе. Они обратились в Суд Королевской скамьи с просьбой освободить их под поручительство приказом «*habeas corpus*», поскольку заключены в тюрьму «произвольно», без предъявления обвинений. Заключенным были предоставлены адвокаты. Дж. Корбита защищал некий мистер Калтроп, Дж. Хевенингхема и Т. Дарнела — сержант Бремстон, У. Эрла — Уильям Ной, Эд. Гемпдена — Джон Селден. Все юристы в своих выступлениях ссылались не только на нормы права, но и на многочисленные, мало понятные прецеденты, реконструировать которые нет никакой возможности¹⁶.

Таким образом, данное дело непосредственным образом затрагивало не только имущественные интересы подданных, но и касалось правовых гарантий от произвольного ареста.

В октябре 1627 г. Королевская скамья направила коменданту лондонской тюрьмы Флит, где содержались арестованные, приказы «*habeas corpus*». Однако тот, соответствующим образом проинструктированный Тайным Советом, отказался освободить заключенных. В присланном ответе он обосновывал свой отказ тем, что рыцари были заключены по указанию Тайного Совета, содержащему ссылку «на специальный приказ Его Величества»¹⁷. Только Томаса Дарнела, который предстал перед судьями Суда Королевской скамьи 15 ноября и освобожден не был, такой ответ каким-то образом удовлетворил. Остальные продолжали, говоря словами представляющего

¹³ The Diary of Sir Richard Hutton, 1614-1639 / Ed. By W. R. Prest. London, 1991. P. 65-66.

¹⁴ Cust R. Op. cit. P. 3.

¹⁵ Berkowitz D. S. John Selden's Formative years. Politics and Society in Early Seventeenth-Century England. Washington, 1988. P. 129.

¹⁶ Ibid. P. 130; Christianson P. John Selden, the Five Knights' Case, and Discretionary Imprisonment in Early Stuart England // Criminal Justice History. 1985. №6. P. 66.

¹⁷ Complete Collection of State Trials... Vol. III. P. 3-5; Christianson P. Op. cit. P. 66.

интересы короны в этом деле генерального атторнея Роберта Хита, добиваться, чтобы король «и его люди могли иметь равное правосудие, и когда они желают того — что, как кажется, согласуется с нормами права, — они должны обладать этим»¹⁸.

Остальные рыцари предстали перед судом 22 ноября. Первым выступал Бремстон. Он сосредоточил свою критику на отказе коменданта тюрьмы освободить из заключения его подзащитного Джона Хевенигхема. Ответ коменданта тюрьмы, по его мнению, был сформулирован в слишком «общей и неопределенной» форме. Сама фраза «по специальному приказу короля» некорректна с правовой точки зрения. Он полагал, что в ответе коменданта тюрьмы должна быть четко указана причина задержания и предъявляемое обвинение. Сама формулировка отказа давала адвокату основание утверждать, что его подзащитный был арестован по подозрению или предположению, что противоречит сразу трем статутам, принятым во времена правления Эдуарда III (статуты 1352, 1355 и 1369 гг.), смысл которых сводится к тому, «что никто впредь не будет подвергнут тюремному заключению по просьбе или предположению, сделанному перед королем или его советом, но только после предъявления обвинения или на основе закона». Юрист напомнил, что заключение без предъявления обвинения длится уже продолжительное время, что должно служить основанием для возвращения подданному свободы и восстановления законов. Здесь же юрист весьма причудливым образом выразил мысль о том, что без соблюдения закона не может быть прав подданных. «Законы называются величайшим наследием каждого подданного, наследием наследий, без этого наследия мы не имеем наследия (the laws are called the great inheritance of every subject, and the inheritance of inheritances, without the inheritance we have not inheritance)»¹⁹.

У. Ной и Дж. Селден ссылались на уже цитируемую нами 29 статью Великой Хартии Вольностей. У. Ной также вспомнил времена правления Эдуарда III. Он говорил, что еще в 1363 г. поднимался вопрос, может ли король заключать кого-либо в тюрьму своим «специальным» повелением по подозрению и не противоречит ли это Великой Хартии. Через год появился статут, который запрещал арестовывать людей по подозрению, если на то нет правовых оснований. Джон Селден, повторив аргумент Бремстона о том, что после издания приказа *habeas corpus* человек не должен удерживаться в тюрьме, если в ответе коменданта тюрьмы четко не обозначена причина заключения, переходит к 29 статье Великой Хартии. Дж. Селден заявляет, что, если понимать слова «не будет... заключен в тюрьму... иначе, как... по закону страны» подобно словам «по специальному приказу», то Хартия перестает что-либо значить. А поскольку это не так и поскольку «свобода для подданного является ценнейшим наследием, которым он обладает», юрист просит освободить его клиента под залог²⁰.

Калтроп приводил несколько аргументов против формулировки, послужившей основанием к отказу выпустить арестованных. Ссылаясь на собственные изыскания в судебных отчетах, он считал «незаконными» поступающие от короля повеления подвергнуть кого-либо тюремному заключению, если повеление дано в устной форме, если повеление передано через посыльного, если повеление было основано на «предположении», сделанном перед королем или его советом, если повеление подписано королем и скреплено его личной печатью. Только в двух случаях заключение, произведенное с такой

¹⁸ Complete Collection of State Trials... Vol. III. P. 3.

¹⁹ Ibid. P. 5-8, 11.

²⁰ Ibid. P. 14-15, 17-19.

формулой, может считаться законным: если повеление короля скреплено большой королевской печатью (т. е. если вышло из его канцелярии) или печатью одного из судов (но случай с рыцарями не таков); если повеление включено в текст судебного приказа (*writ*). Юрист находит, что дело его подзащитного может, на первый взгляд, напоминать последнее. Однако ответ коменданта тюрьмы не содержал указания конкретной причины задержания. Исходя из всего вышеперечисленного, адвокат просил освобождения под залог и своего подзащитного²¹.

Генеральный атторней Роберт Хит оказался не готов опровергать доводы оппонентов. Суд назначил перерыв в заседании²². Королевская сторона предоставила свои аргументы 26 ноября. Генеральный атторней исходил в своих доводах из того, что хотя свобода подданного действительно является его наследием, но в праве она вторична (*secundum legem terrae*) по сравнению с властью короля. По его словам, он никогда не слышал ранее, что король не должен подвергать подданного тюремному заключению по своему желанию. Р. Хит отверг любую критику формы отказа освободить заключенных. Для блага государства король может арестовать человека, не считаясь с правовой процедурой. Более того, король сам может создавать процедуры. Нужно проводить различия, подчеркивает генеральный атторней, между нормами права и «той абсолютной властью (*absoluta potestas*), которую суверен имеет». Обращаясь к судьям, Р. Хит говорит, что король повелевает ими. Они находятся под королем. «Король есть начало того потока правосудия, который Ваша Светлость (главный судья — С. К.) направляет ко всем его подданным; все правосудие исходит от него, и все, что он делает, он делает не как частное лицо, но как глава государства, как юстициарий королевства». Земное правосудие принадлежит королю, а сам король находится под Богом. Юристам же, которые следуют нормам права, надлежит соблюдать его повеления, но не задаваться вопросами, являются ли эти повеления законными²³. Правда короля метафизична. Она не нуждается в доказательствах. Король не может быть неправым и несправедливым, потому что он король (*the common law hath that reverend respect to him, as that it cannot conceive he will do any injure*). «Если вы спросите меня, милорд, имеет ли границы его суверенитет, я скажу, что это не вопрос сегодняшней встречи, но общее право, которое долго процветает под управлением нашего короля и его предшественников в королевстве, всегда относилось с почтением к его суверенитету, из чего следует, что король не может совершать неправое (*the king can do no wrong*)»²⁴.

Не прошел генеральный атторней мимо ссылки на 29 статью Великой Хартии Вольностей. Он остроумно указал, что нередко мировые судьи заключают людей в тюрьму до вынесения решения судов и предъявления обвинений. Так же поступают констебли в городах, и данная практика не вызывает возражений. Наконец, продемонстрировав знакомство с историческими изысканиями английских антиквариев, Р. Хит заметил, что Великая Хартия вообще не может считаться законом, поскольку ее подтверждение во времена правления Генриха III является не статутом, а сокращенным вариантом редакции хартии короля Иоанна, которая приведена в хронике Матфея Парижского. Не следует, настаивает он, позволять управлять собой хронике (*We do not govern ourselves by Chronicle*)²⁵. Таким образом, в своем выступ-

²¹ Ibid. P. 22-25.

²² Ibid. P. 30-32.

²³ Ibid. P. 36-37.

²⁴ Ibid. P. 44.

²⁵ Ibid. P. 38.

лении генеральный атторней настойчиво проводил мысль о том, что решение об аресте и освобождении данных заключенных лежит за пределами права. В отличие от оппонентов, он фактически отрицал то, что право в Англии регулирует все. Королевская власть, по Р. Хиту, находится за пределами правового регулирования. Поэтому суд, считает генеральный атторней, вообще не может решить это дело. А заключенным следует обращаться к королю с прошениями о помиловании²⁶.

Решение судей главный судья Королевской скамьи Николас Гайд огласил 28 ноября. Судья согласился с многочисленными доводами и историческими прецедентами защиты о том, что арест заключенных без указания причины по специальному повелению короля не может служить основанием для их удержания в тюрьме. Вместе с тем судья констатировал, что судьи подчинены королю и не могут в данном деле руководствоваться нормами права. Судья фактически сказал о том, что данное дело стало делом политическим. «По справедливости мы должны были бы освободить вас, мы должны поступить так, но... мы не можем освободить вас, и вы должны быть возвращены под стражу»²⁷.

Позднее Дж. Селден весьма отрицательно оценивал поведение судей в этом деле. Он считал, что они потворствовали «насилию» над свободой. Ибо, несмотря на одобрение судьями аргументов защиты, было вынесено противоположное решение²⁸.

Парламент 1628 г., куда, кстати, были избраны некоторые адвокаты и обвиняемые, специально остановился и на принудительном займе, на произвольных арестах и на использовании законов военного времени. Как известно, основное время у парламентариев данного созыва ушло на обсуждение недостатков и причин недовольства подданных, которое в конце концов вылилось в принятие «Петиции о праве». Еще только проходило формирование комитетов, а Роберт Филипс и Роберт Гудвин уже точно определили главную цель деятельности нижней палаты: «сохранить служение Богу, вольности и привилегии нашей страны» (Филипс), «разъяснить Его Величеству, что подданные имеют право собственности, ближе и дороже которой для них не может быть ничего» (Гудвин)²⁹.

Пока комитет по разбору причин недовольства подданных (committee for greivances) принимал петиции с жалобами от частных лиц и корпораций, из уст многих коммонеров в самой разной форме звучала мысль, что принудительный заем, учрежденный короной, противоречит праву и что произвольные аресты, произведенные по королевскому приказу, не могут считаться законными. Приведем в качестве примера наиболее типичные высказывания.

По мнению Френсиса Сеймора, «последний сбор денег противоречит акту парламента»³⁰. Джон Элиот заявлял: «Право дает каждому то, что у него есть. Должны охраняться права любого рода... Древнее право Англии, Великая Хартия и другие статуты говорят: подданный не может быть обременен займами, поборами или беневоленсами. Но мы чувствуем их бремя. Разве это не противоречит праву? Где право? Где «мое и твое»? Все подпало под произвол верховной власти»³¹.

²⁶ Ibid. P. 50-51.

²⁷ Ibid. P. 51-59, esp. P. 59; The Diary of Sir Richard Hutton... P. 72.

²⁸ Commons Debates 1628 /Ed. by R. C. Johnson, M. J. Cole, M. F. Keeler, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. II. P. 113.

²⁹ Ibid. P. 32, 55.

³⁰ Ibid. P. 56-57.

³¹ Ibid. P. 57, 67-68.

Эд. Кок напоминал остальным членам палаты: «Король не может облагать кого-либо займом... Займы против воли подданного есть деяния, противоречащие разуму и вольностям страны... Король не может приказывать заключить в тюрьму кого-либо... Посылать человека в тюрьму и не называть причину — значит идти против разума»³².

Настоящее обсуждение началось 27 марта 1628 г. на заседании комитета по причинам недовольства и затем продолжалось более двух месяцев. Основные аргументы сторон прозвучали уже в первые дни. Участники дискуссии строили свои доводы на противопоставлении «рабства» («вилланства») и «свободы». Юрист общего права Ричард Крешелд в своей пространной речи однозначно заявил, что законы Англии, вызывающие у него ассоциацию с Геркулесовыми столпами, не делают исключения ни для короля, ни для подданного. «Действия власти, направленные на связывание и ограничение свободы подданных Его Величества без объявления причины, противоречат фундаментальным законам и вольностям нашего королевства... Я считаю, закон действительно так сильно заботится о свободе подданного, что человек может быть подвергнут аресту или тюремному заключению не иначе, как по общему праву... Король не обладает абсолютной властью ни над нашими землями, ни над движимостью». Править, не считаясь с этими принципами, полагает он, значит, править несправедливо. «Короли Англии имеют монархический (monarchical) статус, но не сеньориальный; первый создает свободу, второй — рабство». Последнее существовало в Англии во времена правления Вильгельма Завоевателя³³.

Дж. Селден, выступая в парламенте, так же, как и до этого в Королевской скамье, отказывался признавать законность тюремного заключения без указания причины, поскольку такое действие противоречит Великой Хартии и, следовательно, праву страны. Кроме того, это превращает свободных подданных в вилланов. «Сказать: я могу заключить его в тюрьму — значит сказать: он — мой виллан. Главное и единственное отличие свободных людей состоит в том, что их нельзя делать узниками по желанию (короля — С. К.). В прошлом только евреев и вилланов можно было заключать в тюрьму и ограничивать их свободу. Евреи жили подобно крепостным вилланам короля. Он мог послать к ним, чтобы занять денег. Если они отказывались, король сажал их в тюрьму». В настоящее время, подчеркивает юрист, есть «лекарство» от ареста без указания причины. Это — приказ *habeas corpus*³⁴.

На следующий день оппонентам короны пытался возражать сэр Френсис Нотерсоул. По примеру других адептов власти, он напирал на экстраординарность сложившейся в Англии политической ситуации. В таких политических условиях, во имя блага и сохранения страны, по его мнению, король может руководствоваться не только общим, но и естественным правом, а парламентариям «надлежит позволить ему заключать людей без указания причины». Так, полагает он, следует поступать с устраивающими заговоры иезуитами и папистскими священниками, ибо «благо народа есть высший закон» (*solus populi suprema lex est*)³⁵.

В этот же день юрист общего права Джон Уистлер отметил, что данное дело совсем не так просто, как представляется многим. Ибо хотя Великая Хартия и связывает королевскую прерогативу, но Уильям Стэнфорд пишет, что никто не может быть выпущен на поруки, если он заключен по королевскому повелению³⁶.

³² Ibid. P. 64, 74, 101-102, 110.

³³ Ibid. P. 147-150, 153, 154, 157-158, 160-161, 163-164.

³⁴ Ibid. P. 151, 158.

³⁵ Ibid. P. 172, 176, 179-180.

³⁶ Ibid. P. 174-175, 178-179, 182-183.

Аргументы Ф. Нотерсоула парировал Джон Селден. Последний совсем иначе определял понятие «благо народа». «Благо народа есть высший закон, а свобода есть высшее благо народа» (*Salus populi suprema lex, et libertas populi summa salus populi*). Ссылаясь на библейскую историю ареста правителем Иудеи апостола Павла, суда над ним царем Агриппой и последующей отправки апостола в Рим, Дж. Селден говорит, что даже в Римской империи заключенного посылали к судье с описанием преступления / Деян. XXV-XXVII). Кроме того, заключенный в империи не должен был содержаться под стражей без предъявления обвинения больше тридцати дней. За нарушение этого правила тюремщик и судья подвергались штрафу³⁷.

Ему вторил Джордж Браун, который говорил, что, по У. Стэнфорду, право устанавливает пределы королевской власти (*Lex attribuit regi*). И все, что касается «*salus populi*, определяется правом.., ибо не существует ничего, что нельзя разрешить, прибегая к праву»³⁸.

29 марта юрист Генри Шерфилд доказывал, что король не имеет прерогативы арестовывать кого-либо без указания причины. Делать это ему запрещает Великая Хартия Вольностей. Если король заключает человека в тюрьму без указания причины и тот не освобождается, то статус человека становится ниже статуса виллана, ибо даже вилланы могли освободиться в таком случае соответствующим судебным приказом (*de homine replegiando*)³⁹. У. Хаквилл, признав, что у короля могут быть политические основания заключить человека в тюрьму без указания причины, посчитал необходимым отметить невозможность длительного пребывания узника в заключении по желанию короля. Он указал также на излишнюю жестокость такого поведения власти. «Тюремное заключение есть гражданская смерть. Оно истощает тело и подрывает разум». Человек лишается воздуха и друзей⁴⁰.

После первых дней обсуждения нижняя палата приступила к выработке «Петиции о праве». Текст петиции неоднократно согласовывался с лордами. Приведем только наиболее интересные с точки зрения характеристики установок сознания доводы юристов общего права и парламентариев.

7 апреля верхняя и нижняя палаты проводили совместную конференцию. Выступавший на этой конференции Дадли Диггес говорил: «Бесспорным и фундаментальным положением нашего древнего общего закона Англии является то, что подданный обладает подлинным правом собственности над своей движимостью и владениями, которое охраняется, как святое. Наше «мое и твое» является нянькой производства (*industry*) и матерью отваги, без которых не может быть правосудия и его главной задачи — защиты «моего и твоего». Недавно это бесспорное прирожденное право свободных подданных подверглось очень тяжелому нападению и ущемлению, поскольку их (подданных — С. К.) подвергли тюремному заключению, нарушив вольности нашей страны»⁴¹.

16-17 апреля на совместном заседании палат, в присутствии судей Суда Королевской скамьи развернулась полная драматизма дискуссия между Джоном Селденом, который, видимо, хотел взять реванш за проигранное дело пяти рыцарей, и генеральным атторнеем Робертом Хитом. Генеральный атторней ссылаясь на решение судей 1593 г., которое гласило, «что лица, чья свобода ограничена королем и советом, не могут быть освобождены каким-либо судом». Там, где затрагивается государственный интерес и государ-

³⁷ Ibid. P. 173, 176, 180, 183.

³⁸ Ibid. P. 176, 180.

³⁹ Ibid. P. 189, 193-194, 198-199, 202-203, 208.

⁴⁰ Ibid. P. 190, 200, 203-204, 208.

⁴¹ Ibid. P. 334.

ственная тайна (*matter of state or arcanum imperii*), можно заключать человека в тюрьму без указания причины⁴². Роберту Хиту ассистировал сержант Френсис Эшли, который говорил, что общее право не приспособлено для разрешения государственных проблем. Само указание на государственный интерес должно служить достаточным обоснованием заключения в тюрьму. Истинные причины в таком деле не следует делать достоянием гласности. Передавая в руки тюремщика посла, не выполнившего свой долг, король не обязан указывать причину. Ибо «каждое государство имеет государственную тайну»⁴³.

Джон Селден упрекал генерального атторнея в том, что тот неверно истолковывает судебный прецедент 1593 г. По его мнению, судьи тогда решили, что люди должны подвергаться тюремному заключению только с указанием причины. Он подчеркивал, что в решении было сказано, что узники не могут освобождаться судом, если не было судебного разбирательства. Но по проведении разбирательства узники могут получать свободу. Кроме того, решение гласило, что заключенные могут оставаться в тюрьме, если ответ на приказ *habeas corpus* удовлетворяет судей. Фраза с таким смыслом, полагает Дж. Селден, означала, что ответ должен содержать ясное изложение причины ареста⁴⁴. Ничего подобного, как мы помним, в деле пяти рыцарей не было.

В ходе заседаний все активнее начинали обсуждать факт использования законов военного времени на территории страны. Большинство юристов и парламентариев не отрицало законов военного времени, подчеркивая, что они должны распространяться на солдат и матросов. 16 апреля юрист общего права Джон Бэнкс завил, что вольности подданных и королевская прерогатива имеют свои правовые границы. Если оставаться в их пределах, любые ущемления будут исключены. «Мы обсуждали вопросы, касающиеся «моего и твоего» и свободы человека (*liberty of person*). Сейчас коснемся вопроса жизни и части тела (которую отсекают по законам военного времени — С. К.). Я не буду покушаться на власть королей. Подданные имеют свои права, а короли свои прерогативы. Даже океан ограничен берегами. Вольности и прерогативы многие сотни лет сосуществуют вместе в нежном единстве (*in a sweet harmony*)». Это единство разрушается полномочиями, которыми король, выдав патенты под большой королевской печатью, наделил должностных лиц в провинциях. Юрист полагал, что деятельность таких должностных лиц противоречит общему праву, поскольку военные действия не ведутся на территории Англии. Следовательно, здесь должны продолжать действовать ординарные законы. «Для нас не настало время войны, если суды правосудия остаются открытыми в Вестминстере», — говорил Дж. Бэнкс. «Полномочия, предоставляемые патентами под большой печатью, не могут изменять право, но полномочия действовать в мирное время, опираясь на законы военного времени, изменяют право». Юрист настаивал, что все преступления, совершенные в течение последних лет, могут быть разобраны с помощью общего права⁴⁵.

В своих последующих выступлениях значительное число парламентариев говорило о том, что законы военного времени являются частью гражданского (римского), но не общего права, поэтому должны контролироваться последним. Они не соглашались с тем, что политическое положение Англии таково, что на территории острова пора вводить военные законы. Об этом сказал 18 апреля юрист общего права Питер Бол: «Английский язык никогда

⁴² Ibid. P. 524.

⁴³ Ibid. P. 528.

⁴⁴ Ibid. P. 525-526.

⁴⁵ Ibid. P. 481, 484, 486, 489-490.

не знал..., что такое гражданское право. Наши предки говорили: «Мы определенно не желаем изменять законов Англии»... Королевство Англии никогда не управлялось гражданским правом, но только общим. Там, где достаточно общего права, мы не должны управляться гражданским правом»⁴⁶.

Уильям Ной считал, что законы военного времени можно использовать только во время войны и только против солдат, находящихся в армии⁴⁷.

Более последователен был Эд. Кок, который говорил, что общее право контролирует все прочие отрасли права, включая гражданское и военное. Поэтому, пока открыты суды в Вестминстере, считается, что страна находится в состоянии мира, она управляется общим правом и все преступники должны осуждаться на основе общего права⁴⁸.

Его поддержал Джон Селден, который отметил, что Тайный Совет наделил должностных лиц правом действовать на основе законов военного времени, но ничего подобного не знает общее право. Не отрицая самих законов, он обращал внимание на то, что правительство не соблюдает установленную процедуру. Ибо военное право «известно общему праву, оно инкорпорировано с общим правом». Общее право знает органы, которые могут использовать законы военного времени. Но правительство пошло по пути учреждения абсолютно новых структур. Расширение полномочий должностных лиц может происходить только посредством издания парламентского акта, но не по решению Тайного Совета⁴⁹.

Юристы общего права Генри Рол, Чарлз Джонс, цивилист Томас Эдн, коммонеры Генри Мартен, Франсис Нетерсоул, Ричард Спенсер поддержали корону, заявив, что в особых случаях король может вводить на территории страны законы военного времени, после чего из незаконных они становятся законными. Кроме того, такие законы всегда должны действовать на кораблях, вышедших в открытое море, военных гарнизонах, вооруженных частях. Соответствующие должностные лица могут прибегать к ним для наведения порядка, не испрашивая дополнительных указаний. Именно так поступил в 1578 г. Френсис Дрейк, казнив во время кругосветного плавания некоего Томаса Доути, попытавшегося поднять мятеж. И действия адмирала после возвращения в Англию были признаны судом правомерными (Ч. Джонс)⁵⁰.

Государственный секретарь Джон Кок, представлявший интересы короны в нижней палате, в своем выступлении 22 апреля фактически уравнивал общее право с другими частями права Англии. Он говорил о том, что, управляя государством, король не может довольствоваться только общим правом: ему требуется и «право справедливости», и церковное право, и законы военного времени. Последние всецело отнесены им к королевской прерогативе и подчеркнута поставлены вне формальных правовых процедур. Государство и общее право у него не тождественны друг другу. Первое представляется ему гораздо более важным и стоящим над вторым. Деятельность комиссий и проблема законов военного времени, подчеркивает он, касаются не общего

⁴⁶ Ibid. P. 543, 553-554, 557, 559.

⁴⁷ Ibid. P. 544, 549, 554, 557, 559, 561.

⁴⁸ Ibid. P. 545-546, 549-550, 555, 558, 559-560.

⁴⁹ Ibid. P. 568. Vol. III. P. 25,33. Речь шла о том, что общее право знало так называемую комиссию «Oyer and terminer», которая создавалась в Средние века под руководством маршала или констебля королевства во время войн и мятежей. Эта комиссия действовала по упрощенной процедуре военного времени и могла предавать виновных казни.

⁵⁰ Ibid. P. 541, 547, 551, 556 (Рол), 548, 552 (Спенсер), 542, 548, 552, 558, 560 (Эдн), 552, 556 (Джонс), 542, 548, 552, 556, 558, 560, 566, 568, 572, 575 (Мартен), 543, 553, 557 (Нетерсоул).

права, а «короля и королевства. В Англии не найдется человека, который не хотел бы жить под правом, и мы все держимся того, что общее право есть наше наследство, которое охраняет нас. Но мы живем в государстве. Военное право касается непосредственно королей. Оно — их по происхождению. Они — божьи капитаны и руководители своих народов. Имя королей священо и прочность государства зависит от них. Всякое гражданское правление может быть добрым и счастливым. Что же касается военных и поведения войсковых соединений, то для них не существует формального права. Я должен сказать вам, что военное право является важнейшим правом королевства, и не все управление заключено в общем праве, но и в других законах. Король является верховным главой и правителем над всем, и все, что управляется по общему праву, не исключает других законов»⁵¹.

С конца апреля комитет и палата переходят непосредственно к обсуждению текста «Петиции о праве» и согласованию его с лордами. Отметим здесь попытку внести в текст петиции термин «фундаментальный», с помощью которого предлагалось определять право собственности и свободу подданных. Это предложение (авторство которого определить затруднительно) не получило поддержки со стороны парламентариев и юристов общего права, заседавших в палате⁵². В целом же в действиях короны и ее администрации нижняя палата нашла нарушение общего права, Великой Хартии Вольностей и шести статутов, принятых в разное время.

Первая редакция петиции была представлена в палату лордов 8 мая. Король, не желая того, чтобы петиция получила статус закона, 12 мая обратился к лордам с посланием, в котором писал, повторяя в какой-то мере стиль Великой Хартии Вольностей: «Ни мы, ни наш Тайный Совет не станем ограничивать свободу, приказывать заключать в тюрьму или каким-либо иным способом ограничивать свободу кого-либо за отказ одалживать нам деньги или по другой причине, которая, по нашему мнению, не будет касаться государства, общего блага, нашей безопасности и безопасности нашего народа... Во всем, что касается ординарной уголовной юрисдикции, наши судьи будут освобождать и отпускать на поруки заключенных в соответствии с обычными нормами права нашей страны, Великой Хартии и тех шести статутов, которые, знаете, остаются в полной силе»⁵³.

Король и Тайный Совет надеялись, что парламент удовлетворится обещанием монарха и откажется от принятия петиции. Однако нижняя палата, следуя призыву Томаса Уентворса, отказалась поступить так. Письмо короля есть «письмо милости, а народ Англии предпочитает документ, который принят парламентским способом», — говорил будущий граф Страффорд⁵⁴.

Пройдя рассмотрение в палате лордов, петиция в конце мая поступила к королю. Несколько дней судьи и юристы короны искали приемлемую форму ответа на петицию, которая бы не накладывала на короля никаких

⁵¹ Ibid. Vol. III. P. 24, 27, 31, 37.

⁵² Невозможно сказать, что (или кто) побудило коммонеров обсуждать значение прилагательного «фундаментальный». Как нам кажется, оно впервые прозвучало в выступлении члена нижней палаты Дадли Диггеса перед лордами 25 апреля. Он тогда призвал лордов «поддержать и укрепить фундаментальные законы и вольности Англии». И кроме того, заявил, что «согласно Великой Хартии, каждый свободный подданный имеет фундаментальное право собственности». См.: Ibid. P. 76, 85-86. Косвенным доказательством этому может служить то, что обсуждение данного термина началось на следующий день, когда большинство высказалось против. См.: Ibid. P. 94-119.

⁵³ Ibid. P. 372-373.

⁵⁴ Ibid. P. 406.

обязательств. 2 июня король прислал свой ответ в палату. Его текст гласил: «Король желает (The Kings wills), чтобы право (right) осуществлялось в соответствии с законами и обычаями королевства, чтобы статуты исполнялись должным образом, чтобы подданные не могли иметь повода жаловаться на несправедливость и притеснение, которые ущемляют их права и вольности»⁵⁵.

Данный ответ фактически не накладывал на королевскую власть никаких обязательств, ибо был дан с формулой «король желает». Эта формула в парламентской практике означала согласие короля на то, чтобы один из публичных биллей был рассмотрен в парламенте. Петиции о праве, чтобы обрести силу закона, по традиции требовали другой формулы: «пусть право будет таким, каким его желают» (Soit droit fait comme est desire)⁵⁶. Эд. Кок считал, что герцог Бекингэм явился автором такого ответа. «Герцог Бекингэм — есть причина всех наших несчастий», — воскликнул он. После чего, как гласит источник, «они (коммонеры — С. К.) стали кричать: «Это — он! Это — он!»⁵⁷. Палата, видимо, была готова возобновить процедуру импичмента против фаворита и отложить предоставление субсидий. Поэтому 7 июня король лично выступил перед обеими палатами и подтвердил петицию традиционной формулой: «Пусть право будет таким, каким его желают видеть в петиции»⁵⁸.

В «Петиции о праве» были перечислены «обиды» общин и все нарушения законодательства, о которых парламентарии и юристы говорили в ходе обсуждения. В частности, упоминались нарушения Великой Хартии Вольностей, статута 1295 г., принятого при Эдуарде I, статутов Эдуарда III 1352 и 1355 гг. Затем высказывалась просьба не принуждать никого впредь «давать или уплачивать какие-либо дары, займы, беневоленсы, налоги и подобные сборы без общего согласия, выраженного актом парламента..., не подвергать аресту и другим преследованиям и притеснениям в связи с этими сборами или отказом платить их..., удалить названных солдат и матросов и... в будущем не обременять народ их постоями», аннулировать предоставленные должностным лицам и не предоставлять впредь полномочия использовать законы военного времени, дабы не доводить тем самым подданных «до гибели и смерти вопреки законам и вольностям страны»⁵⁹.

Отметим, что менее года спустя, распустив парламент, король и правительство приняли решение наказать тюремным заключением девятерых наиболее строптивых критиков короны. Среди них оказались Джон Элиот и Джон Селден⁶⁰.

Итак, в предреволюционной Англии существовали вполне определенные представления о содержании и объемах прав подданных. Материалы судебного разбирательства и парламентские прения подводят именно к такому заключению. Юристы и члены нижней палаты полагали, что общее право Англии призвано охранять вольности и права жителей острова от любых посягательств, в том числе и со стороны короля. В данном судебном деле и

⁵⁵ Ibid. Vol. IV. P. 52-53.

⁵⁶ См. об этом: Foster E. R. Petitions and the Petition of Right // Journal of British Studies, 1974. Vol. 14, N1. P. 21-45; Locker R. The Early Stuarts. A Political history of England, 1603-1642. London, 1989. P. 343-344.

⁵⁷ Commons Debates 1628. Vol. IV. P. 115.

⁵⁸ Ibid. P. 182.

⁵⁹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625-1660 /Ed. by S. R. Gardiner. Oxford, 1951. P. 69.

⁶⁰ Reeve J. The Arguments in King's Bench in 1629 concerning the Imprisonment of John Selden and other Members of the House of Commons // Journal of British Studies, 1986. Vol. 25, N3. P. 264-287.

последующей за тем парламентской дискуссии они неоднократно заявляли, что королевская власть выходит за рамки очерченных правом прерогатив. Они готовы были противодействовать таким устремлениям правовыми средствами. Заметим, что в позднеелизаветинскую и раннестюартовскую эпохи дело пяти рыцарей отнюдь не было единственным в своем роде. Отчеты судей полны описаний не менее показательных, хотя и, быть может, менее шумных казусов⁶¹.

SUMMARY

The article of S. Kondratiev «Poem «Freedom» of the England lawyers and parliamentarians, or to the question how the Petition of Liberty had been carried» presents an analysis of the history of the Petition of Right, 1628. The Petition and parliamentary debates of 1628 had become the reaction on the levy politic of the King. In 1626 Charles I established the forced loans, levied from individual by privy seal letters. The levy, as it was thought by the majority, was illegal because it flouted the principle that taxation required the consent of Parliament. People who refused to pay the Loan were imprisoned on royal orders but not charges. Five of them carried their challenge further by suing out writs of habeas corpus. But the judges had not taken stand on the defence of liberties and supported the royal judgment. In 1626-1627 two ministers Sibthorp and Maynwaring preached in favour of the Forced Loan and than their sermons were published with the official approved. The Parliament of 1628 attacked the Loan and commoners condemned it and they also condemned the imprisonment of those who had refused to pay the Loan, and they investigated the sermons of Sibthorp and Maynwaring, and the latter was impeached.

The substance of the Petition stated that on the contrary to the laws of the realm, men had been required under duress to grant loans and pay other charges to the crown which had not been voted by parliament. They had been imprisoned without cause shown, tried by martial law in time of peace, and forced to accept soldiers for staying in their homes and mariners billeted upon them. The Petition asked that these practices, which contravened the rights and liberties of the kingdom, should be ceased.

The article concludes that the lawyers and parliamentarians of the early Stuart England had the clear meanings on the volume of the subjects' liberties and rights. In the Five Knight' case and the followed discussion in the Parliament of 1628 they in the various ways accused the crown in illegal increase of its prerogative.

⁶¹ См статьи в: *Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War* /Ed. by J. H. Hexter. Stanford, 1992.